

Вид с горы на оба ее склона

Театр как хранитель языка

— Я приехал в Ригу, чтобы попрактиковаться в... русском языке, — заявил сосед по гостинице, молодой экономист из Неаполя, свободно владеющий английским, французским, испанским и немецким. Станным его намерение кажется лишь на первый взгляд. Русский язык в столице Латвии — неременный атрибут повседневной жизни. На русском здесь выходят ежедневные газеты и телепередачи, работает несколько радиостанций, ретранслируются программы российских телеканалов — ОРТ, РТР, ТВ-6, НТВ. В любом киоске можно купить российскую периодику, прилавки книжных магазинов завалены привезенной из России литературой, причем не только любовно-детективной, как несколько лет назад, но и более серьезной, а в музыкальных салонах standy с продукцией российских фирм звукозаписи порой более многочисленны, чем местные. Кроме того, Латвия, похоже, — любимый гастрольный маршрут московских театров и музыкальной тусовки. В течение одного только летнего месяца с афишных тумб, сменяя друг друга, взирали Басков и Казарновская, Гребенщиков и Земфира, Виктюк и Образцова... Здесь есть Центр русской музыки, Ассоциация деятелей русской культуры и, по слухам, более сотни "Обществ русских в Латвии". Но главное — русская речь естественно и прочно инкрустирована в фонограмму городской жизни. Она звучит на улицах, в кафе и магазинах, в трамваях, электричках, на детских площадках. И звучит как-то очень красиво, с плавными, спокойными интонациями, правильно и чисто, без малейшего акцента. Во всяком случае, так слышится снаружи — сторонним московским и, как выяснилось, даже итальянским ушам. А изнутри?

— На самом деле неграмотностей в речи хватает, особенно стилистических, — говорит **Эдуард Цеховал**, директор знаменитого Рижского театра русской драмы, уникального театра с почти 120-летней историей. — Чаще они заметны у тех, кто свободно владеет и русским, и латышским: построение фраз, порядок слов, а случается, и грамматические формы, и фонетика, — интерполируются знанием латышского языка в русский, практически незаметно для его носителя. Русский театр на сегодняшний день — это единственное официальное место, где звучит правильный русский язык. И этот язык надо охранять и культивировать. Ведь если мы еще способны ловить себя на языковых ошибках, то подрастающее поколение стоит перед опасностью вовсе перестать их замечать. Театр — хранитель прямого звучания русского языка, звучания тем более действенного, поскольку сопряжено с энергетическим обменом между актерами и зрительным залом. И раз уж мы — единственный русский театр, то стараемся вовлечь в такой обменный процесс зрителей всех возрастов: и взрослых, и подростков, и детей. Замечательный детский спектакль "Каштанка" по рассказу Чехова поставил у нас в этом году известный воронежский режиссер Михаил Бычков, а Геннадий Тростянецкий возродил "Керри", мюзикл Раймонда Паулса, созданный в 1978 году по мотивам романа бестселлера Теодора Драйзера, который называют "визитной карточкой американской литературы XX века". В этом спектакле участвуют сам маэстро и его инструментальная группа, и блестяще поют молодые актрисы Мария Наумова и Вероника Плотникова. Статус театра требует огромного репертуарного разнообразия, включающего и русскую классику, и современную западную пьесу, и нынешнюю российскую драматургию. И, конечно, мы внимательно относимся к качеству переводов и стараемся по возможности бережно сохранять авторский текст.

Что правда, то правда. Премьера, открывающая нынешний теат-

ральный сезон — "Натали", поставленная по одноименному рассказу Бунина омским режиссером Владимиром Петровым (обладателем "Золотой маски" за спектакль "Женщина в песках"), — живое тому подтверждение. "Натали" — спектакль пронзительный, волнующий, в котором все переливы "матового серебра" бунинской прозы, все без преувеличения нюансы его бритвенно-острого, потрясающе точного психологического анализа пойманы, выверены и представлены зрителю крупно и мощно, а уж "перчовый", как его называли современники, язык надолго оставляет послевкусие благородных интонаций и лексической роскоши.

Сейчас в театре репетируют Мольера и Брехта, к 800-летию Риги готовятся возобновить спектакль, шедший на этой сцене 70 лет назад, — "Блудный сын" классика латышской литературы Рудольфа Блауманиса. В год театр представляет от пяти до восьми премьер — впечатляющий темп.

— Реалии сегодняшнего дня диктуют правила, непривычные для театрального поля. Сейчас нам приходится быстро менять репертуар. Зрительская аудитория сократилась: раньше сорок процентов зала составляли приезжие, ныне такого потока нет, а четыреста тысяч русских жителей Риги — это очень мало. В театр ходят, как правило, одни и те же люди, и его чувствительность к зрительскому спросу заметно возросла. Нам пришлось пойти по пути адресной продажи билетов — по социальному признаку. Формируется понятие одного круга: зал, например, для молодежи. Или для врачей, учителей, то есть людей, говорящих на одном языке, с близким уровнем восприятия и системой поведения. Ввели компьютерную продажу билетов, создаем зрительский банк данных: возраст, род занятий, уровень достатка. Наши самые активные зрители — мы называем их "лидеры малых групп" — приводят своих знакомых, друзей. Таким вот образом повысили посещаемость за год на 14 процентов. Резервируем билеты, продаем абонементы. Между прочим, треть держателей абонементов — латыши. Отрадная для нас тенденция зрительских предпочтений. Кстати, в "Блудном сыне" известные латышские актеры Лилита Озолия и Арнис Лицитис будут играть по-русски. Но взаимодействие культур в нашем театре не ограничено пространством сцены. Исполнитель главной роли в спектакле "Натали", замечательный актер Леонид Ленц, наполовину латыш, блестяще владеет обоими языками. Он известен в республике еще и как пушкинист, а его цикл радиопередач "Литературные прогулки", в которых он читает произведения русских классиков и рассказывает об их жизни и, в частности, связях с Ригой, очень популярен: каскаты с записью программ раскупаются мгновенно.

Двуязычие, говорил Бродский, это как будто сидишь на вершине горы и видишь оба ее склона, и это неглухая точка обзора. Русская молодежь в Латвии уже, как правило, двуязычна. Но театральную смену мы готовим в Москве. И это — проблема не столько языка, сколько театрального образования. Раньше распределение в Ригу котировалось на уровне Москвы и Ленинграда, а теперь кадры для нас никто не готовит. Рижский театр русской драмы начался с антрепризы Незлобина, ученика Станиславского, а сам Бог велел нашим актерам учиться театральному делу именно в Школе-студии МХАТа. Двенадцать человек, в том числе занятые в "Натали" Яна Сексте и Виктор Авраменко, учатся сейчас на курсах Олега Павловича Табакова.

Маргарита БЕЛАЯ

Рига — Москва